

Е. В. Панкратова

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ИСКУССТВА В НЕОФИЦИАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ДВИЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЧАСЫ» в 1970–1980-х годах)

Политехнический колледж городского хозяйства, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
пр. Авиастроителей, 28 лит. А

В работе проводится сопоставление философии искусства неофициального литературно-художественного движения 1970–1980-х годов, выраженной Б. И. Ивановым в самиздатском журнале «Часы», с концепцией соцреализма. Рассматривается расхождение идеологий, которое происходит из разницы в понимании внешней действительности и принципов ее развития. Но обнаруживается связь между концепциями, заключающаяся в отношении к культуре как к явлению, развивающемуся по историческим законам, и к искусству как к отображению реальности. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: неофициальное культурное движение, андеграунд, самиздат, вторая культура, соцреализм.

ON THE THEORY OF ART IN THE UNOFFICIAL LITERARY AND ARTISTIC MOVEMENT (THE CHASY SAMIZDAT JOURNAL IN 1970s–1980s)

E. V. Pankratova

Saint-Petersburg Polytechnic College of Municipal Economy, Avenue Aviastroitov, 28,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article compares the theory of art developed in the unofficial literary and artistic movement in 1970s–1980s in USSR and expressed by B. I. Ivanov in the *Chasy* samizdat journal to the conception of socialist realism. The differences and common traits of the two ideologies are considered. The differences are rooted in different understanding of the external reality and its development principles. In the official literature the proposition of possibility of objective cognition of the material world in Marxism-Leninism philosophy results in the idea of a hierarchy in arts and an imperative of following a canon. On the contrary, in B. I. Ivanov's theory reality becomes cognoscible for an artist only if he abandons conventional norms, rules and traditions. Any hierarchy and canon in creative work are denied. But the two conceptions also have some features in common: viewing culture as a phenomenon that develops according to historical rules and understanding art as a reflection of the reality. Refs 21.

Keywords: unofficial cultural movement, underground, samizdat, second culture, socialist realism.

Чтобы изучить и понять стратегию поведения неподцензурного движения, особенности его философии, нужно рассмотреть не только саморепрезентацию «второй культуры», но и определить характер ее противоборства с идеологией соцреализма как с доминирующей теорией в культуре.

Рассмотрим точки соприкосновения теорий и основные пункты их расхождения.

В работе Б. И. Иванова «Две ориентации. Общество» [1], разделение на официальную и неофициальную культуру преподносится как проблема онтологического характера, т. е. объясняется неизменным наличием в обществе социального и за-социального типов. В соответствии с этой концепцией, независимая культура существовала не вопреки цензурному контролю, а была проявлением естественного исторического закона.

В теории устройства общества Б.И.Иванова базовыми являются понятия «социум» и «культура», но используются они в авторской трактовке (которая и составляет ядро концепции). Интерпретация терминов противоречит их толкованию в «Философском словаре», вышедшем в «Издательстве политической литературы» в 1972 г., т.е. наиболее приближенном по времени к появлению журнала «Часы». Словарь дает следующее определение понятию «культура»: «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики и характеризующихся исторически достигнутой ступенью в развитии общества» [2, с.196]. Культура трактуется как историческое явление и ставится в зависимость от смены социально-экономических формаций, т.е. оказывается вторичной по отношению к материальным условиям. Непосредственными и опосредованными создателями культуры названы широкие трудящиеся массы. «Руководящую роль в создании и развитии социалистической культуры играет Коммунистическая партия» [2, с.197]. Официальная идеология делит культуру по признаку соотношения с политическим устройством государства на буржуазную, демократическую, социалистическую и т.п. Но культура коммунизма становится синонимом общечеловеческой, так как включает в себя «все многообразие и богатство духовной жизни общества» [2, с.197].

Теория Б.И.Иванова с позиции идеологии государства может быть истолкована как типичная идеалистическая концепция в силу ее отрыва от «материальной основы» и трактовки культуры как продукта «элиты».

Если с точки зрения официальной системы взглядов культура неотделима от социалистического и коммунистического строительства, то в интерпретации Б.И.Иванова, выраженной в работах «Две ориентации. Общество» [1], «Повторение пройденного» [3], «По ту сторону официальности» [4], культура не связана с политическими целями, а трактуется как универсальное выражение индивидуального взгляда на мир с целью познания, причем культура — это не столько «материальные и духовные ценности», сколько сами носители особого типа сознания, благодаря которому они и могут не копировать, а создавать произведения искусства, или даже метафизическая сила, находящая воплощение в творческом поиске людей. Как таковая культура не может зависеть от государственного устройства, от него может зависеть только способ существования авторов — будут они более свободны или же угнетаемы.

Позиция Б.И.Иванова в понимании задач литературы и критериев ее оценки противопоставляется официальной идеологии по ряду параметров.

В концепции Б.И.Иванова основополагающим параметром культуры является неприятие канона. Канон Б.И.Иванов в работе «Каноническое и неканоническое искусство» определял как «принцип конструирования известного множества произведений» [5, с.144], указание границ, «в пределах которых текст воспринимается как эстетический» [5, с.144]. Отрицание каких-либо требований извне по отношению к творчеству осмысливается как необходимое условие для создания культуры. Под настоящим искусством понимается только то, что найдено в ходе индивидуального непосредственного восприятия действительности. Противопоставление официальной идеологии пролегает не в отрицании тех или иных особенностей художественного стиля, а через отвержение возможности их регламентации и культивирования.

Таким образом, исходя из теории Б. И. Иванова, для произведений независимой литературы не могут быть определены характерные черты, отличающие неофициальное искусство от советского. Объяснение расхождений между ними переносится на личность автора, на изначальные установки его творчества и в целом на мировоззрение.

Кроме того, в теории Б. И. Иванова «люди культуры» как раз не могут принадлежать к «широким трудящимся массам» в силу другой духовной ориентации. Наличие руководящей роли в создании культуры отрицается как проявление иерархии и регламентации, т. е. с тех же позиций, которыми продиктовано неприятие канона.

Некоторые моменты противостояния теорий прослеживаются не так очевидно. В статьях «Возвращение парадигмы» [6], «По ту сторону официальности» [4], «Повторение пройденного» [3] Б. И. Иванов описывает историю неофициальной культуры как смену «парадигмы выбора», под которой подразумеваются «ценностные отношения между тремя реальностями: природы, социума, личности» [6]. Литературу 1960-х годов характеризует стремление к «природной парадигме» [4], что означает внимание к частному опыту, связанному с восприятием материального мира, где «природа (в непосредственно-чувственной форме) заняла место сакральной реальности» [4]. Официальная культура при этом описывается как навязывающая обязательные установленные рамки для построения отношения ко всем аспектам действительности. Важным представляется само противопоставление, которое выстраивает Б. И. Иванов между авторами «подполья» и советской литературой, и характеристика последней как неприродной, искусственной.

Подобная трактовка советской культуры наблюдается в книге «Gesamtkunstwerk Сталин» Б. Е. Гройса [7], которая была написана в 1987 г. и впервые издана на немецком языке [8]. Б. Е. Гройс с 1976 по 1981 г. публиковал статьи (в основном под псевдонимом И. Суицидов) в журнале «37» (№ 2, 4, 9, 12, 16, 18, 20, 21) и с 1979 по 1983 г. в журнале «Часы» (№ 21, 23, 25, 31, 37, 43), т. е. находился в контексте независимой культуры. В «Gesamtkunstwerk Сталин» он пишет, что главная цель советского эксперимента «заключалась в том, чтобы разорвать связь с природой, включая природу человеческую, и построить новое общество, представляющее собой полностью искусственную конструкцию» [7, с. 7].

В данном случае нам важно свидетельство того, что авторы независимой культуры полагали, что «советская власть постоянно и на разных уровнях своей политической и экономической практики демонстрировала глубокое, почти инстинктивное отвращение ко всему естественному» [7, с. 8]. Обращение к «природной парадигме» в этом ракурсе становится ответом на официальную культурную политику.

Данное положение подтверждается и литературным материалом. В произведениях неофициального искусства (еще до появления работ Б. И. Иванова и Б. Е. Гройса) обнаруживается представление об изначальной гармонии мира, которая поглощает в себе все человеческие попытки влияния на историю. Наиболее полно это выразилось в повести Б. Б. Вахтина «Одна абсолютно счастливая деревня» [9]. Чаше предпочтение «природной парадигмы» проявляется в противопоставлении города как отрицательного полиса и деревни как положительного. Например, данные тенденции присутствуют в произведениях С. Е. Вольфа «Как-никак лето» [10], Н. М. Коняева «Дерево Рая» [11], И. Г. Петкевич «Эники-беники» [12], В. Г. Попова «Ювоболь» [13], Ф. Б. Чирского «Андромер» [14] и др.

Подобные настроения свойственны и официальной литературе — писателям-деревенщикам. Те, в свою очередь, после разоблачения культа личности тоже строили литературную стратегию по отношению к сталинской культуре, антиприродной по своей манифестации: «...писатели-“деревенщики” повели крестовый поход против индустриального прогресса, “духа потребления”, за сохранение природы и памятников старины» [7, с. 110].

Единство авторов в обращении к теме природы показывает условность разделения культуры на официальную и неофициальную, не литературный, а социальный и идеологический характер расхождения.

В работах Б.И.Иванова критерий опубликованности в государственных издательствах не называется показателем принадлежности к «первой» или «второй» культуре. Поэтому близость писателей-деревенщиков и неподцензурных авторов не является опровержением теории главного редактора «Часов». «Каноническое» и «неканоническое» в искусстве проистекает из мировоззрения автора, т. е. противопоставление лежит в области идеологии.

Но, несмотря на акцентирование разницы между отношением к творчеству со стороны государства и в среде неофициальной литературы, некоторые положения обеих концепций обнаруживают сходство.

В теории Б.И.Иванова, хотя культура представлена как высшая ценность, искусство носит утилитарный характер.

Официальная культура неразрывно связана с представлением о дидактической функции искусства: «Соцреализм тоже не пытается понравиться массам: его задача — создать такие массы, которым он будет нравиться» [7, с. 10]. То есть назначение искусства — изменить общество таким образом, чтобы воплотить на практике идеалы еще не осуществившейся теории, которые, однако, уже должны быть отражены в художественных произведениях. Поэтому на съездах партии как одна из целей всегда обозначалась необходимость «всемерно повышать идейный уровень произведений литературы и искусства, добиваться последовательного осуществления принципов партийности и народности в художественном творчестве» [15, с. 148].

В теории Б.И.Иванова основной ценностью является не материальный результат творчества, а личность. Поэтому можно сказать, что искусство в его теории тоже имеет практическое применение и тоже служит преобразованию человека. Но его цели противоположны целям официальной идеологии: индивид должен преодолеть давление тоталитарного государства, которое как раз хочет воспитать гражданина в нужном ему ключе.

Поскольку творчество важно как инструмент воздействия, то система ценностей произведения оказывается наиболее значимой его характеристикой. Данная установка существовала не только в официальной литературе, но и в философии независимого движения. Б.И.Иванов писал, что критике следует анализировать тексты с позиции «мифа» автора, т. е. с точки зрения его ценностных ориентиров [6].

В теории Б.И.Иванова, названной им реализмом, художник отражает существующую действительность в соответствии с тем, как он ее видит. Разница взглядов Б.И.Иванова с соцреалистической концепцией пролегает в подходе к оцениванию того, удалось ли автору точно запечатлеть внешний мир. С официальной точки зрения критерием этого оказываются исторические законы развития общества. Например, Г. Лукач, анализируя достоинства произведений В. Скотта, пишет: «...в лучших

исторических романах Вальтер Скотта живет уже в образной форме та поэзия, которую вскрыли Морган, Маркс и Энгельс своими историческими и теоретическими трудами» [16, с. 84]. То есть соцреалистическая литература призвана была наиболее точно и верно отражать объективную реальность, которая развивается по историческим законам. В теории Б. И. Иванова абсолютной ценностью обладал индивидуальный взгляд автора, который не мог быть измерен формальными параметрами. Этот взгляд, если он является источником истинного искусства, должен был «прорываться сквозь интерпретации к “голому факту”» [6]. Решение же, удалось ли писателю увидеть мир и изобразить его, остается субъективным. Но признание субъективности как единственно возможного отношения к искусству вообще снимает вопрос об исторической значимости андеграунда (как и любого другого искусства). Поэтому в теории Б. И. Иванова взамен конкретных канонов возникает абстрактная ценностная величина — культура, которая сама на себе замыкается. С одной стороны, если автор обладает способностью постигать реальность как она есть, его творчество начинает принадлежать культуре. С другой — если художник онтологически принадлежит к за-социальной, или культурной, ориентации (т. е. к одному из двух онтологических типов личности, на которые Б. И. Иванов делит общество), он сможет передать неискаженную картину действительности.

Таким образом, разница между концепциями лежит в представлении о том, изучен ли мир: установлены ли уже его основные законы или он никогда до конца не может быть познан (эти два подхода оговариваются в статьях Б. И. Иванова «Две ориентации. Общество» [1], «По ту сторону официальности» [4]). Но литература в любом случае находится в зависимости от действительности, является ее воспроизведением, притом что каждый может воспринимать ее индивидуально.

Цель, к которой в будущем культура должна привести государство, также по функции сходна с задачей коммунистического строительства: это преобразование общества. Но задуманное общество соответственно различается в разных идеологиях. У Б. И. Иванова это гражданское общество на демократических основах.

То есть при внешнем противостоянии две культуры обнаруживают единство в отношении к задачам искусства. В обеих концепциях оно направлено на достижение утопического будущего, но различные представления о характере этого будущего — социалистическом или демократическом — вызывают дальнейшее их расхождение.

Также совпадения двух идеологий можно усмотреть в делении культуры на два вида. Концепция Б. И. Иванова о постоянном существовании «социального» и «за-социального» направлений в обществе, выраженная в статьях «Две ориентации. Общество», «По ту сторону официальности», в объяснении происхождения независимого движения обнаруживает сходство с представлением об одновременном присутствии во все эпохи реакционного и прогрессивного искусства, идущим еще от трудов В. И. Ленина: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только “элементов”, а в виде господствующей культуры» [17, с. 120–121].

Но, как пишет Б.Е. Гройс в книге «Gesamtkunstwerk Сталин», советская культура расценивала себя как наивысшую точку развития, которая вообще может существовать в творчестве (несмотря на то что «нельзя мириться с отдельными фактами идейной нечеткости и серости в литературе и искусстве» [18, с. 154]), т.е. «чувствовала себя — не в проекте, а на самом деле — культурой после конца истории» [7, с. 66]. Иерархически искусство СССР оказывается выше, чем искусство, существовавшее во все предыдущие эпохи.

Одним из основных пунктов теории Б.И. Иванова является непризнание иерархических отношений, от этого положения идет принципиальная разница в обрисовке развития двух ветвей культуры. Концепция Б.И. Иванова, принимая постоянный характер деления искусства на два направления, не предполагает возможности исчезновения одного из них. Неофициальное творчество, в свою очередь, трактуется не как высшее достижение искусства, а только как один из периодов наряду с остальными.

Кроме того, Б.И. Иванов анализирует советское искусство в статье «Повторение пройденного». Он рассматривает аксиологические установки официальной литературы. В его трактовке они формируют литературный канон. Социальная реальность наделяется высшим значением и не подлежит анализу в художественном произведении: «Все, что связано с категориями ценностей здесь не принадлежит художнику как таковому, но отослано к некоторым объектам: к героям, вождям, историческим событиям и т.д. — т.е. к объективному. Эта отосланность к чему-то вне художника и определяется как реализм» [3, с. 236]. Целью литературы является показать процесс приспособления к обществу и пример удачного функционирования в нем: «Именно в сфере социализации развертываются все художественные темы, сюжеты и сам художник осознает свою значимость как активный деятель этого процесса» [3, с. 236]. То есть Б.И. Иванов указывает область применения и назначение официальной литературы, не отвергая право на существование таких произведений, но подразаумевая ограниченность советского искусства. Таким образом, через анализ тенденций в данном направлении, автор статьи встает на более отстраненную, более объективную позицию, благодаря которой с государственного культурного проекта снимается доминирование. В контексте истории он становится только проявлением общего закона деления на социальное и за-социальное, как и независимое движение.

Позиция журнала «Часы», таким образом, не отрицая, а, наоборот, принимая все явления жизни, оказывалась противоположной по отношению к позиции власти.

Кроме теории Б.И. Иванова в неофициальной культуре в 1980-х годах появлялись и другие попытки описывать разделение культуры как исторической закон: у М.Ю. Берга в статье «Новый жанр» [19], у А.В. Кобака и Б.В. Останина в статье «Молния и радуга: пути культуры 60–80-х годов» [20], в книге В.З. Паперного «Культура два» [21].

Такое представление для независимого движения было значимо, так как оправдывало и легитимировало его место в историческом процессе.

Таким образом, связь между рассмотренными концепциями заключается в отношении к культуре как к явлению, развивающемуся по историческим законам, и к искусству как к отображению реальности, но расхождение идеологий проистекает из разницы в понимании внешней действительности и принципов ее развития.

Литература

1. *Иванов Б. И.* Две ориентации. Общество // Часы. 1976. № 1. С. 305–361.
2. *Философский словарь* / под ред. М. М. Розенталя. М.: Издательство политической литературы, 1972. 496 с.
3. *Иванов Б. И.* Повторение пройденного // Часы. 1977. № 12. С. 236–265.
4. *Иванов Б. И.* По ту сторону официальности // Часы. 1977. № 8. [Нет сквозной нумерации.]
5. *Иванов Б. И.* Каноническое и неканоническое искусство // Часы. 1978. № 16. С. 141–153.
6. *Иванов Б. И.* Возвращение парадигмы // Часы. 1977. № 6. [Нет сквозной нумерации.]
7. *Гройс Б. Е.* Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 168 с.
8. *Groys B.* Gesamtkunstwerk Stalin. Munchen; Wien: Hanser Verlag (Edition Akzente), 1988. 135 S.
9. *Вахтин Б. Б.* Одна абсолютно счастливая деревня // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 457–517.
10. *Вольф С. Е.* Как-никак лето // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 441–454.
11. *Коняев Н. М.* Дерево Рая // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1970-е. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. С. 193–196.
12. *Петкевич И. Г.* Эники-беники // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. С. 385–430.
13. *Попов В. Г.* Ювобль // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 433–438.
14. *Чирсков Ф. Б.* Андромер // Часы. 1976. № 1. С. 5–24.
15. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчетного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища В. В. Гришина // XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. 30 марта — 9 апр. 1971 г. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. С. 141–148.
16. *Лукач Г.* Исторический роман. I. Классическая форма исторического романа // Литературный критик. 1937. № 7. С. 46–109.
17. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Государственное издание политической литературы, 1961. Т. 24. С. 113–150.
18. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчетного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища П. Е. Шелеста // XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. 30 марта — 9 апр. 1971 г. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. С. 149–156.
19. *Берг М. Ю.* Новый жанр (читатель и писатель) // А — Я. Литературное издание. № 1. 1985. С. 4–6.
20. *Кобак А. В., Останин Б. В.* Молния и радуга: пути культуры 60–80-х годов // Кобак А. В., Останин Б. В. Молния и радуга: Литературно-критические статьи 1980-х годов. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2003. С. 9–37.
21. *Паперный В. З.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Панкратова Елена Владимировна — заведующая учебно-методическим отделом;
pashamechic@mail.ru

Pankratova Elena V. — Head of an academic and methodological department; pashamechic@mail.ru